

ЕВГЕНИЙ ЩУРОВ

**ВЗГЛЯД
со второго этажа**

**Skleněný
mustek
2016**

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ Я – САМАЯ!..

ГЛАВА ВТОРАЯ СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ВДОВЬЕ ВРЕМЯ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ПОКОРЕНИЕ

ГЛАВА ПЯТАЯ Я ВСЕ РЕШАЮ САМА!

ГЛАВА ШЕСТАЯ ПРЕВРАТНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ НЕ ВСЕ ТАК ПРОСТО!

©Все права автора охраняются законом об авторском праве.
Копирование, публикация и другое использование произведений
и их частей без согласия автора преследуется по закону.

© Евгений Щуров 2016

© Skleněný můstek s.r.o. 2016

ISBN 978-80-7534-089-4

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я – САМАЯ!..

«Как я офигенно красива», – часто думаю я, любуюсь на себя в зеркале, голенькой поворачиваясь то одной, то другой стороной! И ведь папа не прав, что мама была первой красавицей, а я – вторая. Я красивее нее! У меня совершенная фигура, и я не заиклена на ее воспоминаниях, какой она производила фурор в компаниях мужчин, где оказывалась...

Я тот же фурор оказываю, да, появляясь со своим мужем в сборищах... Нет! Я очень красива! Какие у меня волосы, густые хоть и тонкие, темные, любая прическа мне к лицу, хоть с мелкими кудряшками, хоть с длинными локонами – все чудесно!.. Грудь – заглядение! Чуть меньше третьего размера, не «уши спаниеля», торчат, как у подростка! Попка свежая. И попка, и бедра без признаков «апельсиновой корки»...

А эта нынешняя папина пятидесятилетняя коза похожа на римскую волчицу. Но отец смотрит на нее с таким вожделением, что, если бы у него была возможность – он бы трахал ее чуть не ежечасно! Я-то знаю, насколько чудодейственны эти «мужские» препараты! Впрочем, наплевать на них! Стоит и стоит. Лишь бы стоял!.. А я уж сама позабочусь о том, чтобы получить себе удовольствие! Заметьте, сама, чуть-чуть касаясь мужа и его переживаний. А вместо мужа может быть и друг, и обожатель, и влюбленный юнец. С которыми просто хорошо, без обязательств – я же замужняя женщина!»

Я отошла от зеркала, накинула халатик и отправилась в комнату мужа, по дороге присев погладить своих двух котов, вертевшихся под ногами.

– Ну-ну, скоро вас покормлю, не скучайте.

Семен уже встал, чего-то рассматривал у себя на лице, отражаясь в зеркале.

– Привет, дорогой! – мурлыкнула я и поцеловала мужа в щеку.

– Привет, милая! Ты, как всегда, очаровательна!

– Твоя заслуга! – я скользнула в кровать Семена и подставила руку под голову. – Что ты скажешь насчет дополнительной посылки денег Ивану? Мальчик хочет купить престижную машину.

– А престижный дом в Лондоне он не хочет приобрести?
– взвился Семен Иванович. – Оля, ты потакаешь всем прихотям сына! И он этим с удовольствием пользуется!

Я подумала, что Сема плохо спал или вообще вернулся под утро. От любовницы. Я в этом мало сомневаюсь, да и вообще, мы последний раз любили друг друга около месяца назад, как всегда, прохладно, так, что я, вначале ощутив приятную тяжесть внизу живота и желание к большей близости, к концу нашей интимной встречи, ничего уже не чувствовала. Вообще, я не цельный сексуальный объект, и сплю с мужем исключительно для удовлетворения своих физиологических потребностей. Он желает – надо исполнять свой супружеский долг.

Я разглядывала его снизу вверх, удивлялась, какой он черствый и равнодушный. Ведь он же отец Ивана, точно, его отец, генетический, уж кто, кроме матери, родившей мальчика, может в этом сомневаться! И, тем не менее, у меня иногда закрадывается мысль, что Семен сам сомневается, как к Ивану относиться? Сын ли он ему вообще? Сам-то, каков!

– Оля, есть разумные пределы любви. Ты вообще к Ивану относишься – как к новорожденному. Я у тебя где-то на пятом месте, после сына, твоих кошек, нарядов и цветов. Да?

– Ну, что ты сравниваешь? Я вас обоих люблю, с Ванечкой; все остальное – довесок к моей трудной жизни...

– Ну, да! Жизнь у тебя труднейшая! Кто бы сомневался! «Бедная семья», ребенок голодает в общежитии!... Оля! Что ты говоришь ерунду?

Семен рассказывает передо мной, как большая обезьяна, размахивая руками, и, кажется, говорит даже нечеловеческим голосом, по крайней мере, слова его до меня не доходят.

– Ты не понимаешь, что такое чувства, любовь, отношения между мужчиной и женщиной! Ты вообще что-нибудь в современной жизни понимаешь? Что если мужика не любят – он уходит к другой? Это ты понимаешь? Ты понимаешь, что мужу нужна любовь жены, а не ее видимость?

Что он там раскричался? Я его спокойно не слушаю, просто смотрю. Что Сема может нового сказать? Все опять о своих поруганных чувствах! Якобы. Надо было себя нормально вести, на других баб не поглядывать, какое-то свое «жизненное пространство» не отстаивать. Петух гамбургский! Пространства ему мало!

Я смотрю на него, и он думает, что я его слушаю.

– Ты вообще слышишь меня? – как подслушав, спросил Сема.

– Слышу. Что я говорю ерунду. По-твоему, я всегда говорю ерунду. Да?

Я отвернулась от него и стала разглаживать рукой подушку.

– Ольга! Хватит обижаться. Я тебе толкую о том, что если ты не хочешь понять меня, разумею хотя бы сложившуюся ситуацию.

Не поворачиваясь к Семену, я спросила:

– А что за ситуация? Кроме того, что я вижу, как ты по бабам бегаешь? И сыну – ноль внимания!

– Боже мой, я ей про Фому, она – про Ерему! Оля! Услышь меня! – Семен повысил на меня голос! – Нельзя так вести себя и надеяться на счастливую семью! Ты живешь собой, тебе мы, все окружающие, нужны постольку, поскольку находимся в твоём окружении, в твоей сфере влияния, тебя больше ничего не волнует, кроме сына и кошек!..

– Ты уже говорил об этом и это не ново!

Я повернулась вновь в его сторону. Семен стоит у окна и нервно копошится в карманах. На мгновение мне стало жаль его: он еще переживает какие-то чувства, мне уже не ведомые... Господи! Надо не забыть сегодня посетить парикмахершу, волосы на голове уже пришли в полное безобразие! Да и маникюр обновить.

– Ты вообще, чего добиваешься своими претензиями? Я только попросила тебя дать сыну немного денег на новый автомобиль. Почему он должен ездить на допотопной развалюхе?

– Вот это да! «Порше» выпуска позапрошлого года – развалюха? Оля! Внемли гласу разума! Не потакай прихотям – и тебя будут уважать!

– Кому надо, меня и так уважают, и не благодаря тебе! Да!

Я снова отвернулась от Семена и просто растянулась на его постели.

Сема молчал, стоя у окна.

Интересно, его шлюшка просит у него денег, кроме тех, что он ей дает? Я не сомневаюсь, что какая-то баба у него есть: месяца три назад он резко изменился. Не то, чтобы стал меня игнорировать, но смотрит как-то по-другому, говорит иначе, в общем,

точно, шлюху какую-то нашел. Ну и пусть! Мне он тоже опротивел своими делами и занятостью.

— Ольга, и я тебя уважаю. И сына люблю! Но нельзя так относиться к его желаниям!.. Хорошо, я пошлю ему денег, но мне уже все это надоедает.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Мне надоело, как ты себя стала вести. Ты стала такой равнодушной, холодной, смеешься, только болтая с Ваней по телефону...

И вдруг!

— Вообще, давай разведемся?

Вот это да! Этот недоделок хочет со мной развестись! Хотя, пожалуйста! Ничего против не имею! Мне всего — около сорока, я красива, успешна среди мужчин... Тьфу! Он меня опередил в предложении развестись. Вот это меня задевает! А что скажет папа? Думаю, ему будет жаль потерять половину моего завода.

Ладно, посмотрим!

— Давай, не буду сопротивляться, — хотя мне совсем этого не хотелось, я ослепительно улыбнулась. Я умею в мгновение ока притворно менять настроение, выходит вполне естественно, все верят.

Я встала с его постели, поправила халат, пошла к себе, попросив Николая, нашего домоуправителя, покормить котов.

Упругие струи душа настроили меня на положительные эмоции. Я несколько смирилась, что Сема опередил меня с разводом. Главное, что он пошлет Ванечке денег на авто.

После душа мне захотелось надеть самое красивое белье, тем более что у меня появилось ощущение новой жизни.

За окном стоял поздний август. Зеленая трава, белые березы, темные сосны. Листья на деревьях не шевелились, ветра не было. В небе неподвижно повисли белые плотные облака. Кучевые, вспомнила я. Николай неспешно копошился в саду, за легкой кованой оградой дома брели деревенские коровы, некоторые спускались на водопой, где был пологий спуск к реке, делающей изгиб как раз напротив дома и через сто метров убегаящей снова вдаль. Красотища!

Одеваясь, я заметила, что пора уже пройти лазерную депиляцию.

Новое открытие: лифчик стал мне немного мал. Правда этот

я надевала последний раз около года назад. Беременной я быть не могла ни в коем случае – ни с кем не спала, да и критические дни последний раз пришли вовремя. Значит, набрала вес. Скорректировать немедленно!

Какое надеть платье? На улице тепло, надену сарафан, раз потолстела.

Из украшений – серебро. Везде. На шее, пальцах, запястьях. С камнями.

Легкий макияж – и я готова. Туфельки – белые, на высоконьком каблуке. Легкий шелковый шарфик. И в путь!

С улицы слышался небольшой шум. Я глянула в окно. Семен собрался уезжать, вывел свою машину и что-то снаружи осматривал. Потом сел, ворота раскрылись, муж уехал.

У меня с души свалилась какая-то тягота, несильная, так, мелочь. Семен уже давно не представлял для меня интереса.

Наша с ним женитьба носила довольно условный характер. Мальчик из хорошей зажиточной семьи, симпатный, образованный, щедрый на подарки. Мы с ним просто встречались пару месяцев, целовались. Честно, я не была в него страстно влюблена. Милый, славный и все. Папа наседал – выходи замуж, хорошая пара. Ну, а когда мы с ним впервые переспали, я сразу забеременела.

Свадьбу сыграли уже на пятом месяце. Потом родился Ванечка. И через год-два я поняла, что Сема периодически загуливает. Меня это бесило, но семью я решила не разрушать, тем более что папа отдал моему мужу пятьдесят процентов акций завода. Этот завод он подарил мне на свадьбу. Меня все это не интересовало: у меня появилось маленькое милое существо, плоть от плоти мое, нежное, ласковое, безоговорочно любящее. Я была абсолютно счастлива! Даже зная измены Семена, не отказывала ему в близости.

Так протекали годы: то счастье, то огорчения. Из-за Семена. Ваня рос здоровым мальчиком. Закончил школу, и мы решили отправить его учиться в Англию, благо, язык он отменно учил в школе.

И вот сейчас я, бедная, остаюсь в одиночестве! Семен уходит, Ванечка далеко. Может, в Англию к нему уехать? Но он не хочет, чтобы я жила с ним рядом! «Мама, не мешай мне!» – го-

ворит Ванечка. А мне обидно, я ведь мать, жизнь знаю. Что-то и подсказать могу. Но сын неприступен: не мешай, это уже моя жизнь, собственная, взрослая. Да какой он взрослый? Большой ребенок, за которым надо стирать, прибирать, готовить. И еще в такой дали живет, да среди иностранцев...

Думая обо всем этом, я спустилась в гараж и вывела машину за ворота. Пришлось переждать бредущее стадо коров. Потом поехала в город.

На шоссе машина перестала раскачиваться, не на нашей грунтовке, я расслабилась. До города – десять минут езды. Через двадцать – буду у своей парикмахерши, хотя с ней не созванивалась.

Лифчик сидит неудобно, жмет немного, больше не буду его надевать, пока не похудею. А трусики из комплекта в самый раз!

Я въехала в город. Расслабление сменилось напряжением городских дорог и дорожных идиотов-чайников. Я очень хорошо и уверенно вожу машину, давно, еще папа учил. Папа вообще меня любит, да и кому еще любить? Мама умерла, когда мне было четырнадцать лет, от рака груди. Через два года папа женился на этой «римской волчице». И счастлив, как ребенок. Ну и пусть ему шестьдесят четыре, он выглядит молодцом! А «волчица» старше меня всего на пять лет.

Папа у меня вообще – уникал! К девяностым годам он скопил огромное количество ваучеров, купив у своих фермеров и рабочих по дешевке, целые сумки акций «Газпрома». Все эти бумаги плюс продажа хозяйства, земли, превратились в три завода, парфюмерный папа и подарил мне на свадьбу. Им управляет Семен.

Я подъехала к своей парикмахерской, припарковалась.

Света, мой персональный парикмахер, была занята, я села в холле ждать. Полистала журналы, неожиданно нашла весьма прикольную прическу, которую и предложила сделать Свете, когда она освободилась. Света сперва заупрямилась, сказав, что это уже не модно. Но я настояла на своем и мастер, вздохнув, сказала:

– Как хотите, Ольга Борисовна, потом не сетуйте.

– Делайте! Претензий не будет.

Света еще поворчала и приступила к работе.

Я закрыла глаза и вспомнила, что хотела позвонить папе.

Потом, ладно. Лифчик продолжал нудно стягивать грудную клетку. Света колдовала над моими волосами. В зале было прохладно и комфортно. Играла очень тихо инструментальная музыка. Кажется, Поль Мориа. Несмотря на одиннадцать часов утра захотелось спать. Надо будет еще в пять Ване позвонить, он освобождается после лекций, по своему Гринвичу. Потом еще в двенадцать, узнать, прибыл ли домой.

И что? Это все мои дела на сегодня?

Нет!

Я должна поговорить с папой о разводе. Он воспримет это очень болезненно: половина должна отойти Семену. Мне – наплевать, папе – головная боль. Но я знаю, что папа меня безумно любит. Вот бы так мужчины любили, как отцы любят своих дочерей!

Лифчик давит! Надоело! Света, быстрее заканчивай с моей прической!

Процесс продолжается. Света филигранно готовит мою голову на обозрение окружающим. Bravo! Я выйду из парикмахерской а ля девушка прошлого года. Моложе на год! Надо будет всегда делать ретро-прически и всегда буду выглядеть несколько моложе. Открытие!

Мастер, наконец, закончила трудиться, отошла в сторону, окинув взглядом результаты работы. Я внимательно разглядывала себя в зеркало. Да! На меня смотрела красивая женщина лет тридцати, со слегка волнистой, удлиненной стрижкой.

– Ну, как? – спросила Света.

Я осталась довольна и молча, протянула парикмахерше крупную купюру.

– Спасибо, Светлана! Пойдет!

– Вам спасибо, Ольга Борисовна!

Вдруг я, любительница уважительного к себе отношения, весьма чуткая особа, всколыхнулась демократией, и сказала:

– Светлана, давайте называть меня просто Ольга, хорошо?

Мастер покраснела, улыбнулась.

– Хорошо, Ольга!

– Вот и славно! – я встала. – Мне понравилось это ретро! Да! Пока!

– До свидания, Ольга! Не забывайте нас.

– Никогда. Пока, Светлана!

Я вышла на улицу.

Настроение улучшилось до очень хорошего, с новой-то прической. Пока я шла к машине, украдкой смотрела по сторонам, замечая мужчин, разглядывающих меня с восхищением, а таких оказалось сто процентов!

Сев в машину, позвонила папе.

– Привет, папа!

– Привет, лапка! Ты где?

– В парикмахерской. Мне надо поговорить с тобой, это серьезно.

– Приезжай сейчас, я дома. Один, – добавил папа, зная мою неприязнь к его новой жене.

– Еду!

Вырулив на шоссе, я занялась психоанализом.

Что за существа, эти мужчины? Ухаживают, добиваются взаимности, из шкуры лезут, чтобы угодить, а когда получают свое и становятся мужьями, в скорости находят себе любовниц! Ничего не понимаю! Тратить огромные деньги на подарки, преследовать, чувствовать, что любовь покупается, а не рождается, и продолжать стремиться завоевать нас! А получив желаемое, через несколько месяцев – найти себе шлюшку! Может, не у всех так? Только у меня и моих знакомых, которых множество? А сколько таких семей по всей стране? Да мы, женщины, оказывается, несчастны, если бы не дети.

Я медленно двигалась в пробке и продолжала размышлять, забыв про жмуший лифчик.

Обидно! Нет полного взаимопонимания. Неудовлетворенный мужик – просто ангел! В постели они нежны и ласковы, как голодные коты, а кончат, заснут – и могут назавтра гадостей наговорить. Или напиться. Это я про своего. Он примитивен. Когда ему хочется меня, он вьется вокруг, рассыпается красноречием и комплиментами. Он светится изнутри и ему начинаешь верить. В его искренность. А искренности его хватает только на секс. Потом ему своя шлюшка интересна, потом я, потом снова она, или другая... Бабник!...

Наконец я подъехала к дому отца. Охранник открыл ворота, я въехала во двор. Папа вышел мне навстречу.

– Здравствуй, доченька!

– Привет, папочка! – я широко улыбалась.

Мы обнялись, и я с удовольствием расцеловала папку.

– Пойдем в дом, родная, поговорим, – папа явно был рад моему приезду.

Мы поднялись на второй этаж, в его кабинет. Я расположилась в большом кресле, отец сел напротив.

– Что будешь пить, дочка, чай, кофе?

– Некрепкий чай, с сахаром и лимоном.

Папа позвонил экономке, заказал ей чай и кофе для себя.

– Говори, что случилось? – начал отец.

– Папа, мы с Семеном разводимся, – выдохнула я.

Кажется, отец ожидал всего, что угодно, только не этого. Лицо его вытянулось от удивления, стало озабоченным.

– Ты серьезно?

– Серьезнее некуда. Семен высказал мне сегодня, что хочет развестись. Я, впрочем, тоже не возражаю. Но какие будут последствия?

– Вот об этом я и думаю. У Семена пятьдесят процентов акций завода. И вряд ли он пойдет на уступки... Но вы точно серьезно все продумали?

– Па, я уже сказала – серьезнее некуда! Да! (Какая дурацкая присказка, это «да», вставляю в разговор, когда начинаю нервничать, не могу совладать с собой!)

Отец задумался.

Экономка принесла кофе и чай, поставила перед нами на столик и тихо удалилась.

Отец, молча, принялся за кофе. Я пригубила свой чай, тоже молча, ждала, что он скажет.

– Дочка, твой предстоящий развод – это очень тяжелый удар по нашей экономической безопасности. Я не могу тебе запретить пойти на этот шаг, я тебя, прежде всего, уважаю как личность. Да и Семену я не указ, папа помолчал. – Я прошу только одного: не торопитесь с разводом, не надо никого подкупать, дабы ускорить процесс, пусть все идет своим чередом, хорошо? Надо мне успеть провести кое-какие превентивные экономические меры, чтобы не разрушать структуру предприятия. Договорились?

– Конечно, па!

– Вот и хорошо! – отец расслабился, будто что-то придумал, и лицо его повеселело. – Как там Ванечка поживает?

– Ой, папа, все хорошо! Учится славно, Семен обещал послать ему денег на какую-то новую машину.

– Это ты, лиса, Семена раскрутила? Ох, балуешь ты моего внука! Вся наша маленькая империя ведь ему достанется. Не жалеть душу его легким отношением к деньгам!

– Папа! И ты туда же! Ну что случится, если мальчик будет ездить на новой машине?

– Ольга! Иван должен сейчас понять, как непросто в наше время достаются деньги, а вы с Семеном, точнее ты, его развращаешь.

– Па! Ванечка так много недополучил в детстве отцовского внимания, пусть хоть сейчас почувствует его участие.

– Доченька, все должно быть в разумных пределах: и любовь, и ненависть. Мне кажется, у тебя нет меры.

– Папа! Но это же мой единственный сын!

– И что? Надо потакать ему во всем? Учиться – в Лондоне, дом – полная чаша!.. В этом смысл жизни? Вот в армию пойдет, отрезвееет маленько!

– Па, какая армия? Ему еще учиться несколько лет, а там я что-нибудь придумаю. Он ведь у меня один. У тебя дочь, тебе было проще, меня в армию не забирали.

– Оля, я пальцем не пошевелю, чтобы внука от армии отмазать, учти!

– А я буду стараться его отмазать, – веско ответила я отцу. – И никто меня за это не осудит. Да!

– Ладно, не заводись. У нас пока другие проблемы, – отец поднялся с кресла, пошел к столу. Что-то достал из ящика.

– Дочь, маленький подарок! Тебе.

– Спасибо!

Я тут же открыла коробочку. Там, в красном бархате, пристроились золотые цепочка, подвеска с моим знаком «тельца», серьги, маленький перстень. В серьгах и перстне торчали средних размеров изумруды, как раз под цвет моих глаз вечерами! С утра глаза у меня больше голубые.

– Папочка, это прелесть! Спасибо, родной!

Я бросилась к нему, обняла и от души расцеловала.

Папа был рад.

– Носи, дочка, радуйся!

– Спасибо, папа! Это такая прелесть!

Я тут же надела все подарки на себя, сняв то, что носила. Папа любовался мной совершенно искренне и ничуть не скрывал своей радости, видя радость мою. Я тоже была совершенно искренней.

– Все, па, я поехала. Мне надо еще кое-что сделать.

– Хорошо, дочка. Только меня не забывай!

– Папа! Прекрати! Ты же знаешь, что ближе тебя у меня нет человечка!

– Сын у тебя есть. Но не балуй его!

– Ладно! Все, пока!

Я чмокнула папу в выбритую, вкусно пахнущую щеку, и пошла к своей машине, помахав ему напоследок.

Когда я выехала с папиного двора, было еще три часа дня.

Опять ощутила, как жмет лифчик. Я припарковалась, сняла его совсем, бросила на заднее сидение.

Надо было ехать дальше и поразмышлять, как сейчас вести себя с Семеном. Как бы мы с ним не жили все эти годы, мы были семьей, с общими заботами, горестями, радостями. Мама с папой тоже были семьей, пока мама не умерла, и я впитала то чувство заботы и уважения друг о друге, что они пронесли по своей жизни. Семен изменял мне, но я стойко хранила верность ему и цементировала отношения, прощала, спасала. Ради сына, ради семьи! Но вот настало время, когда сын вырос и спасать уже ничего не надо. Ванечка все сам поймет...

Неожиданно для самой себя, я выехала на дорогу, ведущую к дому, а еще хотелось покататься по городу. Домой, так домой! Там я прижмусь к своим любимым котам и успокоюсь. Семен все равно уехал, и не будет проедать мне мозги! После нашего утреннего разговора, он, скорее всего, домой сегодня не вернется... К очередной шлюхе поедет, сто процентов!

Я нервно прибавила скорость, но быстро успокоилась и вернула машину в общий поток, никого не обгоняя и не создавая аварийную ситуацию. На светофорах окружающие мужики бросали взгляды на мой гордо лежащий на заднем сидении лифчик, тонкий, красивый, кружевной. Потом глядели на меня, восторженно, и этого мне хватило для дальнейшего хорошего настроения.

Погода стояла отличная! На небе – ни облачка, глазурь сияющая, и только! Жара не ощущалась. Впереди уже просматривались

родные сельские пейзажи, мы, в потоке машин, вытягивались за город.

И вот дорога растянулась. Кто-то прибавил скорость, кто-то ехал по-прежнему, любуясь красотами осенней природы, каждый был за себя, как в жизни, отстаивал свою правоту. Вот, справа от меня, полз яичного цвета «фольксваген», не быстрее пятидесяти километров в час. Хозяева его плевали на нервные сигналы едущих позади поспешников. Они в полном объеме созерцали пригородную природу, были от нее в восторге, фоткались и хохотали, и махали с улыбкой сигнализирующим вслед. Они были счастливы, эта уже немолодая пара из какой-то ненашей страны; они были так розовы и чисты, как поросята с образцовой фермы, и любили всех вокруг и друг друга.

Я честно им позавидовала! Даже немного со злостью: эти европейские статуэтки норовят найти приятное и сладостное в нашей говенной стране! Впрочем, я никогда не задумывалась серьезно о политических и экономических процессах, что происходят в России. Мерилом всех моих познаний был папа, рассуждавший о происходящем емко, едко и, главное, точно! И сочно! Папа, папа! Зачем ты женился на этой волчице? Впрочем, во мне говорит ревность, а это чувство губительное, не надо так. Я папу очень люблю и могу простить ему любой поступок, потому что знаю, я для него – все! Да и он для меня – больше полжизни. Он дал мне образование, возможность жить так, как хочу я, в его научении... Скоро у меня разрушится привычный уклад жизни, я стану разведенкой, тысячи мужских глаз усилят дозор за молодой красивой наследницей миллионов. Будет, обязательно будет! А у меня на примете даже нет никакого кобелька! Вот это неприятно! Но это честно по отношению к будущему мужчине, которого я наверняка не буду любить...

Скоро поворот домой. Вот он, знак за деревьями, незаметен для новичков трассы. Поворачиваю на нашу «грунтовку» и, пыля, качусь в раздумии.

Мне определенно надо будет чем-то заняться! Но не по специальности же! Кто я? Инженер-химик. Вот! Красиво только звучит. А правду сказать, я даже читать не люблю, какая там химия!

Чем же я занималась до сих пор? Сыном, мужем, папой... Редко – собой, правда, редко. Что в итоге? Сын учится в Англии,

папа занят молодой волчицей, муж – объелся груш, уходит от меня к какой-то шлюхе... Интересно было бы на нее поглядеть! А что, пусть это будет моим первым посторонним интересом за всю жизнь! Найму частного детектива, пускай проследит.

Звонок. Это Ваня.

– Привет, Ванечка!

– Привет, мам! Нас сегодня раньше отпустили. Потому звоню. Что там папа? Про машину?

– Ванечка, он сегодня переведет тебе денежку, жди.

– Вот спасибо тебе!.. Я ведь знаю, это ты постаралась!

– Ну как же я могу отказать единственному сыну? Вань, ты на меня рассчитывай всегда, пока я жива.

– Мам, не надо, про возраст. Ты же у меня еще молодая.

– Да, Ваня! Пойми правильно, мы с папой должны расстаться, – выпалила я скороговоркой. Какое-то время сын молчал, будто нечто взвешивая.

– Ма, я это предвидел. Поступайте в соответствии с ситуацией. Но пойми, что я не смогу разорвать отношения с отцом, что бы у вас не произошло. И тебя, конечно, люблю!

– Ванечка, все предсказуемо, и этот развод тоже. Ты взрослый, все понимаешь, может, даже лучше нас. Ты знаешь папу: он и тебе недостаточно внимания уделял, да и мне. Вот и решили – мирно развестись. Пусть это не будет для тебя катастрофой.

– Ну что ты, ма! Какая катастрофа? Это жизнь. Сейчас вы оба будете любить меня каждый от себя, значит, в два раза больше.

Ваня расхохотался. Я тоже посмеялась, это действительно так, будем любить и поддерживать его с двух сторон.

– И когда папа переведет деньги, не говорил?

– Нет, но я думаю, в ближайшие день-два. Ты мне скажи, у тебя девушка появилась?

– Появилась, ма, буквально вчера. Но у нас было только короткое романтическое свидание. Поживем – увидим.

– Ванечка, ты осторожнее будь с этими англичанками...

– Мам, она чернокожая.

Что-то оборвалось у меня внутри! Черная! Он сошел с ума!

– Ма, не молчи!

– Ваня, ты в своем уме?

– Она прикольная девчонка, умная, живет в Штатах, ну не

полностью чернокожая, я пошутил! Наполовину, креолка, с Сейшельских островов! Но она здоровская! Настоящая, без всякого этого английского снобизма.

– Ваня, я уважаю твою свободу, твой выбор, но будь благо-
разумен!

– ОК, мам! Буду! Пока, мне пора на обед. Целую.

– Пока, сынок! Целую тебя!

Оказывается, пока говорила с Иваном, прижалась к обочине и стояла. Даже не заметила. Я достала сигарету и закурила, впервые за много-много времени, наверно за много лет.

Как он там живет без меня, один? Я не представляю. Кто-то стирает ему, кто-то кормит. Чем? Как он ест, кто проследит? Периодами, меня охватывает паника, как мой сын оказался один, в Англии, без меня? Однажды я заикнулась Семену: может, мне в Англию поехать? На что последовал довольно естественный вопрос: а ты хотела бы, чтобы в этом возрасте с тобой жили мама и папа?

Я заткнулась. Формально Сема был прав. Но мне до сих пор кажется, как же Ванечка там беззащитен! И эта метиска, или как там их зовут? Связался. Не с англичанкой из хорошей семьи. С креолкой!..

Ладно, хватит, поехали домой.

Я выехала на нашу гравийку, проехала вдоль берега, не встречав коров, и зарулила в открытые, к удивлению, ворота.

Возле подъезда стоял незнакомый джип, белого цвета, с какой-то аляповатой аэрографией. Я заехала в гараж. Пока парковала машину, доставала вещи и поднималась в дом, джип во дворе исчез, и ворота как раз закрывал наш садовник.

– Николай! – крикнула я в открытое окно. – Кто это был?

– Ольга Борисовна, сейчас расскажу, зайду в дом только.

Я стояла в холле, ждала Николая. Вскоре открылась входная дверь, вошел Николай.

– Ну, кто был? – спросила я.

– Видите ли, Ольга Борисовна, Семен Арсеньевич заезжал на минуту, какие-то документы забыл, ну, и на чужой машине.

– Понятно, – рассеяно произнесла я и пошла к себе.

Мне показалось, что в холле присутствует запах чужих духов, еле уловимый цветочный аромат. Да и Николай что-то сконфужен был, будто врал. А! Ну их! Голова разболелась.

Я поднялась в комнату, по пути прихватив бежавших за мной котов. Они с удовольствием проскользнули в открытую дверь и прыгнули в кровать. Я переоделась в легкий халатик и легла в постель. Коты забрались мне на грудь, на живот. Я начала их гладить, вроде и урчала вместе с ними, и вскоре голова стала проходить. Я заснула.

Мне снились горы, Альпы, где мы с Семеном катались года четыре назад, ежевечерне ходили в гостиничный бар, выпивали немного вина, шутили, хохотали, прикалывались друг над другом, окружающими. Потом уходили к себе в номер, обнимались, целовались, любили, опять смеялись и были счастливы. Во сне моем горы были светлыми, в облаках, на фоне синейшего неба, Семен стоял на фоне гор и улыбался мне широко и открыто. Потом налетела угрюмая туча и скрыла фигуру Семена.

Я вроде бы проснулась, но лежала с закрытыми глазами, и думала о муже. Какой же он был непонятный! Как он мог спать со мной и с другими шлюхами, постоянно извиняясь, что его бес попутал, когда я об изменах узнавала. Как я могла его прощать, столько лет? Прощала, оправдывала, ради сохранения семьи... Ради Ванечки. Напрасно? Нет! Уверена, что сын, обделенный отцовской любовью, с радостью получал мою любовь, вчетверо, впятеро сильнее, чем обычная материнская. А может, это так у всех матерей? Не знаю. Инстинкт моей материнской любви выше общечеловеческого понимания.

Я открыла глаза. Кошки лежали с обеих сторон от меня, свернувшись в шерстяные кружки.

Потянулась, встала. На часах было семь. Приняла душ.

Пора поужинать и что-нибудь придумать на вечер. Чем заняться. Не сидеть же перед телевизором и пялиться до полуночи!

Спустившись вниз, около столовой, встретился Николай.

— Добрый вечер, — вежливо произнес он.

— Добрый вечер, — ответила я. — А что, Семен был здесь не один?

Эти слова вырвались у меня исподволь, я их не планировала, но вдруг вспомнила, что мне почудился аромат незнакомых духов.

Николай покраснел даже, от конфуза. Я сразу поняла днем, что он врет, покрывает хозяина дома, но мне не хотелось разборок.

– Ну, не знаю я... Семен Арсеньевич приезжал, а кто с ним был, я не видел,... Может, кто и был...

– Ладно! – отмахнулась я. – Был так был, или была так была...

Мне действительно было все равно. Неприятно только, что этот кобель шлюх уже и домой стал водить. Конечно, впредь я этого не допущу! Не на ту напал! Я ему покажу, кто есть кто!

Воинственность моя объяснялась и тем, что сильно хотелось есть. Давно уже надо было завести кухарку. Или доплачивать приходящей домработнице за приготовление еды. А я все сама готовлю, для мужа, будь он проклят! Как же! Отец моего ребенка! Тыфу! Кобель!.. Когда Ванечка был маленьким, я как-то показала ему одну из наших гостей и сказала громким шепотом:

– Вот, смотри, видишь тетю в черном платье? Это папина блядь!

Так я была зла на него тогда, когда узнала об его очередной измене. А эта шлюха, с его работы, не постеснялась притащиться ко мне в гости! Стоявшие рядом с нами, три или четыре человека, оглянулись на меня и тут же вернулись к своим разговорам за бокалами вина.

– А кто такая блядь? – спросил сын.

– Это тетя, которая сильно хочет, чтобы папа с нами не жил, да!

Я помолчала, размышляя, как дальше донести Ванечке свою боль и твердо произнесла:

– Но у них ничего не получится!

– Да, мама, не получится, – повторил сын. – Я защищу тебя от всех блядь!

– Вань, это слово склоняется, – начала я, но почувствовала, что перегибаю палку. Пусть сын сам дойдет до всего, в своей элитной школе; там его всему научат! Я не сомневалась.

Я достала из холодильника охлажденную говядину и принялась готовить.

Машинально, воспринимая какие-то обрывки мыслей ни о чем, положила в духовку тройную порцию, и только потом вспомнила, что мы с Семеном разводимся и вообще, вряд ли он сегодня придет ночевать, когда он почувствовал себя абсолютно свободным. Или припрется пьяным, веселясь от предстоящей свободы,

как ему кажется, наверно. Ложь! Такой мужчина, уходя от одной женщины к другой, только меняет одну тюремную камеру на другую, пусть более комфортную. Я-то Семена знаю! Он и с новой супругой долго не проживет, кобель! Вот ведь, родила природа эдакого!

А что же я? Что я буду делать после развода? У меня ведь никого нет... У меня есть сын, который нуждается в моей помощи и опеке! Поеду к нему в Англию... Нет! Не поеду. Я там ему буду только мешать, как сказал Семен... С чего это вдруг я ему помешаю? Ведь он мой сын! Хотя, понимаю разумом, что у него сейчас полно свободы, которую я, приехав, ограничу. Ну и что? Я ведь ему только добра желаю!... Да и больно думать о том, что Ванечка достаточно взрослый и разумный, чтобы натворить без меня глупостей. Я не могу пока отделить его от себя, будто мы связаны с ним пуповиной... Я права!...

Включила на кухне телевизор, рассердившись на себя за то, что отвлеклась от еды.

Мясо получилось вкусным, сочным, таким, как любит Ванечка.

Первый канал демонстрировал, как всегда, очередную мелодраму. Пусть идет! Развеюсь немного.

На экране, брошенная богатым мужем, красивая женщина, попадает в абсолютную нищету, находит «принца на белом коне» и, вполне счастливая, выходит за него замуж. Как будто и не было у них с богатым мужем счастливых дней! Все позабыла, за месяц! Бразилия отдыхает!

Я давно поужинала, досмотрела фильм.

Будто по заказу, позвонила Вероника.

По секрету сказать, самая задушевная моя подруга! Я ее люблю больше всего за то, что она, в свои годы, выглядит великолепно, но ни разу не была замужем. И никогда не унывает, такая оптимистка! Это, наверно, Божий дар, так себя вести всегда и везде. Вокруг нее толпы мужиков выются, а ей нипочем! «Олечка, принцев нет, на белом коне, или хотя бы на фиолетовом! Все – рабочие лошади. Или кони. В общем, жеребцы!»

– Привет, подруга! Чем занимаешься? – кричит в трубку Вероника, будто уже подшофе.

– Да ничем, только поужинала, – честно и устало проговорила я.

– Зря поужинала! Я сейчас за тобой заеду, здесь шикарная вечеринка, у знакомого художника! Актеры молоденькие, поэты, богема!

– Вера, что-то нет настроения! – довольно вяло сказала я.

– Брось, подружка! – Вероника, казалось, уже видела меня с нею рядом. – Я уже в машине.

– Ты что, пьяная за рулем?

– Во-первых, я не пьяная, а воодушевленная, во-вторых, за рулем трезвый абсолютно парень! Через пятнадцать минут будем! Пока!

Бросила трубку. Я минутку посидела в столовой и решительно двинулась к себе переодеваться. Не стану же я дожидаться мужа, чтобы сообщить ему, что еду в гости! Прошло его время!

Вдруг я почувствовала себя абсолютно свободной. Нет! Это чувство приходило ко мне, когда Семен изменил во второй раз. Но теперь это было своеобразное ощущение! Я – Ольга, свободна! Мне не надо больше терпеть выходки мужа, его откровенные издевательства, скупость по отношению к сыну. Я – свободна! Свободна от

обязательной готовки обедов, завтраков, ужинов; свободна от угрызений совести, что не хочу спать с законным мужем; свободна в активном поиске понравившегося бы мне мужчины! Развод!

Пока я просматривала свой гардероб, пришла в голову мысль, что от этого развода выигрывает только Семен. У него уже есть женщина, есть пятьдесят процентов акций, пятьдесят процентов недвижимости. Он целеустремлен в будущее, как первые космонавты! Я же оказываюсь в пассиве. Никого нет, управлять деньгами

придется папе, и я не вижу для себя блестящих перспектив. Одно греет душу – сынуля! Он-то маму никогда не забудет! Нет больше ни на кого надежды!

Я выбрала красное нижнее белье, с черным, недлинное красное платье, до колен, с черным легким шарфиком, черные легкие туфли на высоком каблуке. Немного подкрасилась, подвела губы. Готовность номер один, а Вероники еще нет. Где она? Пятнадцать минут прошло. Уже двадцать прошло!

Подумалось. В такие моменты мужики начинают усиленно курить: это у них означает крайнюю степень тревоги или озабо-

ченности. Но я так редко курила в жизни! А вот сегодня захотелось!..

Звонок в дверь. Это Вероника!

Спускаюсь вниз, подхожу к двери. Ворота закрыты, видно через окно. Николай только вышел из своей комнаты на звук звонка. Открываю дверь. Там, на крыльце, еле стоя на ногах, Семен, улыбается во всю ширь своей белоснежной пасти, источающей алкогольный запах.

– Милая моя, привет! Я иду спать.

– Иди, спи! Я больше тебе не милая!.. Где машина? – все это я проговорила спокойно и твердо, будто никогда не было моего смирения и стремления удержать семью.

– У-у тю-тю! Кто это говорит? Олечка, спокойнечка? – Семен был пьян на всю голову, даже я его таким редко видела.

– Иди спать!.. Николай, проводите Семена Арсеньевича в спальню. Нет! В его кабинет. В спальню не надо. Там он все заботит.

– Хорошо, Ольга Борисовна!.. Может, мне остаться?

– Это было бы великолепно, Николай! Проследите за мужем, пожалуйста!

– Я останусь с ним, все будет нормально.

– Спасибо! Вы меня выручили. Я запомнила.

Николай поклонился слегка, и повел Семена Арсеньевича в кабинет, где тот мог ублеваться на каменных плитах и выспаться на широченном кожаном диване, на который, возможно, блевало не одно поколение пьяных аристократов, такой диван был старый.

Я выглянула в окно. Было еще светло. За забором машины не было. Точно! Его кто-то привез. Не его ли шлюха? На кой ей сдался пьяный любовник? Высадила и смылась! А что? Нормально. Проснется, вспомнит молодую плоть, позвонит. «Любимая, ты почему меня бросила вчера?» «Я тебя не бросала. Привезла домой, а там – твоя мымра»!

Кто «мымра»? Я?

Что за мысли в голову лезут?

Я посмотрела на себя в зеркало. Колготки! Забыла про них из-за пьяного Семы. Пришлось подниматься в свою комнату. Коты безмятежно спали в моей постели.

Снизу опять позвонили.

Я спустилась вниз. Николай уже впустил Веронику в дом.

– Привет, голуба! Ты готова?

Мы с Вероникой расцеловались.

– Ой, новая прическа! Какая же ты красавица! – Вероника искренне восторгнулась мной, понимая, что сама она того же стоит. – Поехали уже, нас ждут!

– Поехали,... Сема пьянящий домой появился.

– На что он нам? Тебе давно пора с ним развестись!

– Уже.

– Что? Разводиться?? – у Вероники дух захватило от такой новости. – Молодец, Олька! Я тебя обожаю! У нас с тобой все впереди!.. Едем к творческим личностям!

За забором нас ожидало такси.

Мы с Вероникой забрались на заднее сиденье и болтали о том, о сем. Таксист что-то часто поглядывал на нас в зеркало: то ли ему была интересна наша бабская болтовня, то ли ему нравилось везти в неизвестность двух красивых женщин, то ли хотелось сказать что-нибудь умное, дабы привлечь к себе внимание. Парень был молодой. Но ему явно не хватало интеллекта с нами заговорить.

– Приехали! – Вероника достала телефон и позвонила. – Але! Костя, мы приехали, открывай.

Мы вышли из машины, рассчитавшись.

Дом, возле которого мы остановились, был старый, свежее-выбеленный, двухэтажный, с колоннами у крыльца из кованного черного железа.

Вскоре на крыльце появился среднего роста седоватый мужчина и развел руки в приветствии.

– Ну, наконец! – воскликнул он.

– Костя, познакомься, это – Ольга. Это Константин, – представила нас друг другу Вероника. – Или наоборот, сначала представляют мужчину женщине? А, ладно, забыла.

– Очень приятно, – ответила я.

– Очень приятно, мадам! Пойдемте в дом? – предложил Константин и пропустил нас вперед.

Мы поднялись по каменной лестнице на второй этаж, Константин распахнул двери в квартиру. Моему взору предстал широкий коридор и множество комнат и холлов по сторонам. В воздухе стоял, казалось, вечный запах сигарет, все было прокурено. Из полуоткрытых дверей в комнаты вылетали звуки гитары, рояля, шум голосов, звон посуды.

– Пойдемте к музыкантам сначала, – сказал Костя и повел нас за собой.

Мы вошли в большую комнату, похожую на зал. Слева от входа стоял большой стол, на котором теснились бутылки со спиртным, минералка и немудреная закуска: копченая колбаса, сыр, кальмары, кусочки жареной рыбы. Впереди, на возвышении, подобно сцене, стоял рояль, за которым сидел молодой парень и играл что-то невообразимое для моего неискушенного слуха.

– Каждый ухаживает за собой, – сказал Костя, подводя нас к столу. – Выбирайте, наливайте, закусывайте.

– Ты что будешь? – Вероника взяла власть в свои руки. – Водку, вино?

– Вина налей мне, красного, немного, – попросила я.

– Почему немного?

– Что-то голова начинает болеть.

– Пройдет! Выпей бокал, а там будет веселее, – говорила Вероника, наливая себе водки.

Я взяла бокал и отпила. Вино показалось вкусным, прихлебнула еще немного. Вероника элегантно выпила свою водку и положила в рот кусочек колбасы. Я взяла сыр.

Музыка закончилась, и зал развалился в аплодисментах. Молодой человек встал, низко поклонился.

– Bravo! – раздавались повсюду возгласы. В зале находились человек тридцать и у каждого в руке был бокал, с чем либо. – Bravo, Игорь!

– Это молодой талантливый композитор, новая симфония, отрывки, – пояснил Костя. – Ему прочат большое будущее.

– Хочу с ним познакомиться! – заявила Вероника и, не дожидаясь реакции хозяина дома, слегка виляя бедрами, направилась к музыканту сквозь окружающих его людей.

– Вот так! – сказала я, лучезарно улыбаясь. – Водка всосалась быстро, подруги как не бывало!

– Не беда, – ответил Константин. – Я буду Вашим гидом.

– Благодарю!

– Честно говоря, мне среди музыкантов неинтересно, – комментировал Костя. – Это раньше, в застой, когда собирались ребята-рокеры, было весело и прикольно. Сейчас больше классика. А я воспитан на традициях хард-рока. Вот поэзия всегда останется актуальной. Пойдемте к поэтам!

Мы с ним вышли из зала, и прошли в комнату в конце коридора.

Я по дороге высосала вино и несла пустой бокал.

За дверью поэтов расположился аналогичный зал со столом для напитков и закусок слева и небольшой сценой в конце.

На сцене стоял невысокий мужчина с длинными волосами, в пиджаке поверх футболки и голубых джинсах.

– Каждый твой приезд, каждое свидание –
Праздник не любви, точка расставания.
Встречи не отмечены в памяти встревоженной,
Мы с тобой замечены парой ненадежной.

Пролетели искрою чувства несерьезные:
Расставанье быстрое, расставанье слезное...
По судьбе затоптанной, мною же придуманной,
Ты ушла тихонечко. Самое разумное!..

Аплодисменты. Мне понравились стихи. Я налила себе еще вина, взяла сыр.

– А это наш эпизодический персонаж. Не профессионал. Приходит часто, но больше бухает и болтает на вечеринках. Но когда приходит со стихами – всегда фурор! – говорил Костя, наливая себе вина.

– Мне понравилось, – подтвердила я.

– Слушайте дальше! Наверняка он сейчас еще какой шедевр выдаст. Публике нравится. Даже профессионалам.

Но следующие стихи мне по душе не пришлись. Никто не подходил ко мне знакомиться, Костя тоже никого не представлял. Становилось скучно, голова разболелась еще больше. Прошло, казалось, часа полтора, на самом деле – тридцать минут.

Что-то там Ванечка делает сейчас? Попыталась представить, но не получалось. А вдруг он сейчас с женщиной? Я быстро отогнала от себя эту ненавистную мысль: кто-то может отобрать моего сынулечку от меня? Не отдам!

На этой ноте настроения я попросила Костю вызвать такси. Он был искренне удивлен.

– Вы уже собираетесь уходить?

– Мне очень интересно, но голова разболелась, да и вообще, Вероника так внезапно позвонила, что я не сумела настроиться, – оправдывалась я.

– Ну, хорошо, сейчас вызову. Подождите в комнате отдыха.

Константин повел меня в другой конец коридора и пропустил в одну из комнат. Там стояли пара диванов, столик с напитками опять же, и телевизор.

– Константин, не говорите Веронике ничего, пусть веселится, – попросила я.

– Договорились. Я сейчас.

Я расположилась на шикарном диване, включила телевизор. Пощелкала пультом. Голова была занята смешанными мыслями о Ванечке, Семене, будущем. Пока есть сын, мне скучно не будет. Я понимала, что несколько затянула с осознанием самостоятельности сына, но ничего уже не могла с собой поделаться. Сын, Ванечка, растворился во мне без остатка; любовь к сыну, как веревка, связывала меня по рукам и ногам.

Сын родился незапланированно, для меня. Но это был МОЙ сын! Семен был добр, дарил дорогие подарки, был нежен и заботлив. Я не смогла ему отказать. И когда родился Ванечка, я не сумела физически расстаться с привязанностью к сыну, к его годовалому юбилею, как советуют психологи.

– Ольга, машина вышла, будет через пять минут, – это вошел в комнату Константин.

– Спасибо, Костя! А Вы пишете? – спросила я просто, чтобы заполнить паузу.

– Нет. Я только с ними общаюсь, мне интересно, они такие неожиданные бывают, когда раскрепощены алкоголем, такие интересные мысли встречаются, а они обо всем назавтра забывают. Но это уже мое богатство! Я готов их принимать по пятницам и субботам, чтобы не лишиться пищи для ума.

– Интересно, – безо всякого интереса подумала я и поднялась с дивана.

Константин пошел меня провожать.

Я вышла на улицу. Голова болела.

Стояла прохладная ночь, расцвеченная уличным освещением. Кусты и деревья, укутанные темнотой и сбрызнутые фонарным светом, излучали загадочность и тайну. Что там, кто там

притаился для злого умысла? Мне было немного страшно, я всегда боялась темноты. Когда я иду одна по темной улице, непроизвольно ускоряю шаг и все время оглядываюсь. Мне кажется, что вот сейчас, обязательно, на меня кто-нибудь нападет и ударит по голове. Ночью мне даже не приходит в голову мысль выйти из своего же дома одной.

Вот и желтое мое такси!

Я прямо влетела на заднее сиденье, будто кто за мной гнался.

— Поехали, — сказала шоферу, назвав адрес.

На этот раз водителем у меня был неразговорчивый дядька лет пятидесяти.

Я смотрела в темноту за окном автомобиля и в голове пролетала моя жизнь, обрывки воспоминаний, не связанные с действительностью. Голову понемногу отпускало. Захотелось спать. Я так и задремала, похоже, раз мы приехали подозрительно быстро.

Рассчитавшись с водителем, я открыла дверь в воротах и пошла в дом. Окна в доме все, кроме одного, в комнате Николая, были темные. Значит, Семен дрыхнет, а Николай ушел к себе, читать. Вот любитель почитать! Везде с книжкой, даже временами во время работы! Не понимаю таких людей! Сама уже начиталась в школе да институте, не люблю, лучше посмотрю кино или телек.

Николай встретил меня уже в холе первого этажа.

— Ну, как Семен Арсеньевич? — спросила я. — Долго буянил?

— Нет, быстро уснул, только все смеялся о чем-то.

— Его веселит, наверно, будущая сладкая жизнь, — таинственно и саркастически произнесла я. — Спокойной ночи, Николай!

— Спокойной ночи, Ольга Борисовна!

У себя в комнате я быстро скинула с себя одежду, набросила халат и пошла в душ. Плескалась долго, баловала тело струями искусственного дождя. Потом, завернувшись в махровое полотенце, сидела на пуфике и разглядывала лицо в зеркало. Вроде ничего особенного, вытянутый овал лица, чисто западноевропейского типа, красивые, удлиненные темные волосы, уложенные в новую прическу, чистая кожа, может, несколько потемневшая за лето. Губки, не узкие и не пухлые, обрамляют маленький рот; сейчас серо-голубые, открытые широко, глаза; носик, с легкой горбинкой, абсолютно не обезображивающей, а придающей осо-

бый шарм... Лоб как лоб. С еле намечающимися морщинками... еще молодая и очень красивая женщина... Это я.

На часах уже половина третьего.

Коты пробрались в мою постель и безмятежно спали. Я тихонько легла, не желая тревожить их сон.

Какая-то была невеселая вечеринка. Что Вероника нашла в этих напыщенных пьяных индюках?.. Красуются друг перед другом, да выпендриваются, кто круче. Умные больно!.. А этот волосатый поэт ничего!.. Хорошие стихи... Я вообще не понимаю до конца поэзию, но эти легкие, жизненные, мне понравились...

Навалился сон. У меня сны то цветные, то черно-белые. Почти никогда их не могу запомнить. Стараюсь, утром, но не получается. А раньше память лучше была, могла в школе наизусть заучивать огромные куски текста и без запинки рассказывать... Шум ветра за окном... Дождь, что ли будет?.. Я уснула...

Прошла неделя. Не прошла – пролетела со сверхзвуковой скоростью! Мы с Ванечкой созванивались каждый вечер, и я не могла уснуть, когда, в пятницу, поздно вечером, он был недоступен. «Мам, ну вечеринка у нас была, все ребята договорились телефоны оставить дома!»

Как дети могут жестоко поступать по-отношению к родителям! Страшная фраза: забывать о маме, пусть на время!

Я сидела дома, занялась стиркой. Потом приготовила обед, на Семена и Николая. Семен всю неделю пропадал на работе, потом уезжал к своей шлюшке, ночевал дома только один или два раза и меня не доставал. Деньги Ване перевел. Только однажды он зашел ко мне вечером, пьяненький, и сказал:

– Слушай, Оль, ты не хочешь поговорить о разводе?

– С пьяным – не хочу! Да! – отрезала я. – Что разговаривать? Не пропаду! Тебе сын не нужен? Да?

– Я не собираюсь его бросать! Оля, мы же с тобой уже давно не живем, между нами ничего нет, мы – не семья!

– Бросаешь меня, значит и его! – я хоть и не желала удерживать Семена, но чувство брошенной женщины не покидало меня. Может, если бы у меня кто-то был, я бы не ощущала этого состояния... Впрочем, никого у меня быть не могло, семья – это свято!

– Ну и думай, что хочешь! – Семен пошел к выходу. – Дом оставляю тебе!

– Какой благородный! – воскликнула я с издевкой. – А ты иначе думал?

– Спокойной ночи! – Семен исчез за дверью моей комнаты, не ответив на реплику.

Я сидела в кресле, смотрела мимо телика и думала.

Вот и кончилась моя семья. Нет, не так. Семья – это я и Ванечка, Семен не в счет. Он – добытчик, охотник, кормилец, им и останется. Он – отец, сперматозоид, кто его знает, что он чувствует к сыну? Чувствовал ли он его запах в детстве? Запах чистоты и нежности, полного доверия к маме, запах, наполненный настоящей любовью. Мне трудно это объяснить. Ванечка вырос из меня, моего тела, частичка меня! Мой сын! Семен для меня кончился, как муж, близкий человек. Остался просто отец моего сына...

Это случилось спустя несколько дней. С утра поработала в саду, закончила стряпню, покормила котов и пошла к себе. Завалилась в кресло и закрыла глаза.

В дверь постучал Николай.

– Ольга Борисовна! К Вам пришли, – позвал он из-за дверей.

– Кто?

– Двое мужчин, Вас спрашивают, машина их за воротами, – Николай сделал паузу и закончил:

– Они из полиции.

– А что говорят?

– Ничего. Вас спрашивают.

Я поднялась с кресла и вышла из комнаты. Мы с Николаем вместе спустились в холл.

Там стояли двое мужчин, оба в белых рубашках с закатанными рукавами, без галстуков, один в джинсах, другой в светлых брюках.

– Здравствуйте, господа! Чем могу служить? – спросила я.

– Здравствуйте! – поздоровались они. – Вы Ольга Борисовна?

– Да, я.

– Мы из полиции, – мужчина в джинсах показал удостоверение. – Майор Костырин, лейтенант Васильев. Семен Арсеньевич – Ваш муж?

Сердце мое сильно-сильно забилось, ладошки вспотели.

– Да, что случилось?

Костырин откашлялся, взглянул на часы.

– Семен Арсеньевич три часа назад погиб.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ

Холод прошел от затылка до пяток, сменившись обдавшим кипятком, голова закружилась и перестала что-либо соображать, в глазах потемнело, вспотели ступни.

Я не упала в обморок, но была близка к тому, только отошла от мужчин и прислонилась к стене.

– Вам плохо? Принесите воды! – бросил Костырин Николаю, но тот, проницательный, уже подходил ко мне со стаканом воды.

– Выпейте, Ольга Борисовна, – подал он мне стакан.

Я выпила половину и, на удивление, мне стало легче.

– Спасибо, Николай! Мне уже лучше. Пойдет!

– Ольга Борисовна, неприятная, но необходимая процедура – Вы должны поехать с нами на опознание, – сказал майор. – Мы еще должны задать Вам несколько вопросов.

– Я понимаю, – кивнула я головой. – Надо переодеться... Как он погиб?

– Его застрелил снайпер, – глухо сказал старший.

– Снайпер? – удивилась я и, не оборачиваясь, медленно пошла к себе.

– Паспорт захватите, – попросил лейтенант.

Заболела голова, спина была мокрой от пота.

В своей комнате я переоделась в темно-серое, с черным, платье, других, приличествующих случаю одеяний у меня не было: все черные платья были «маленькими». Маленькое черное платье! Как далеко сейчас мое состояние от этого словосочетания, придуманного знаменитой француженкой!

Черные туфли на невысоком каблуке я дополнила красивым черным кружевным платком, с блестками, подаренный Семеном много лет назад, который он привез из Италии, очень дорогой handmaid. Золотую брошь с небольшим темным цейлонским рубином прицепила на платье. Немного классических духов.

Через пять минут, как следует разглядев себя в зеркало, я спустилась к ожидавшим меня мужчинам.

Мой траурный наряд произвел на них впечатление, это было заметно. Я шла, опустив глаза, отупевшая от того, что не понима-

ла, как правильно себя сейчас вести, что чувствовать. По-правде сказать, именно это я и ощущала: как себя вести? Слез не было, страшно было увидеть мертвого Семена. Я начала осознать, что он мертв, что он больше никогда не сделает ни одного движения!.. Чужой родной человек!.. Сердце мое дернулось: надо позвонить Ванечке! Как он перенесет смерть отца? Опять стало страшно...

– Примите наши соболезнования, – произнес лейтенант с напроочь позабытой мною фамилией.

– Благодарю, господа, – ответила я. – Пойдемте. Вы отвезете меня обратно?

– Разумеется, Ольга Борисовна, – пообещал майор.

Мне предложили сесть на заднее сиденье, рядом с майором Костыриным, лейтенант сел за руль. Поехали.

– Ольга, можно Вас так называть? – спросил Костырин.

– Да, майор, – ответила я с должным оттенком горечи в голосе. – Называйте.

– А меня зовут Александром, можно так. Скажите, Ольга, у Семена Арсеньевича были враги?

– Я не знаю, мы никогда не говорили с ним о делах, – вздохнула я. – Мне это было совершенно неинтересно, и он об этом хорошо знал.

Я помолчала и добавила:

– Ну, конкуренты, конечно, были. Вот из области одного знаю. Только об этом отец рассказывал. Владелец парфюмерного концерна какого-то. Фамилия его Калинин, кажется, сильно папе и Семену настроение портил.

– Калининко?

– Да-да, Калининко! – поправила я.

– И что господин Калининко?

– Он несколько раз обходил папу на виражах по выпуску парфюмерии, что сильно снижало наши обороты продукции.

– Но это же естественная практика для бизнеса – конкуренция!

– Только не в России, как говорит папа, – парировала я.

– Хорошо, а еще кто мог быть врагом, э-э-э, конкурентом?

– Не знаю, майор! Больше ничего не знаю, – с печалью в голосе, но твердо ответила я.

Дальше мы ехали молча. Мне говорить не хотелось, офицеры понимающе молчали. За окнами автомобиля уже мелькал городской пейзаж.

Вскоре остановились у городского управления, мы с майором вышли.

– Прошу, – Костырин помог мне выйти, протянув руку. Потом осторожно взял меня за локоть.

– Спасибо, я сама.

Мы прошли в здание, выписали мне пропуск. Скорее хотелось домой. Все вокруг раздражало, люди, дома, вещи, надо побыть одной. Да, позвонить Ване! Я удивилась себе, что на время сын выпал из мыслей.

Заиграл мой мобильник. Это папа.

– Девочка моя, ты как?

– Папа, ты уже знаешь?

– Знаю. Держись. Ване я уже звонил, так было лучше, если я сообщу. Мы все-таки мужчины.

– Спасибо, папа. Как он отреагировал?

– Он вел себя как настоящий мужчина. Сначала помолчал, потом сказал: вылетаю. И все. Молодец.

– Когда он прилетит? Обо мне не спрашивал?

– Оль, ну откуда я знаю, когда прилетит? Сегодня или завтра, – папа перевел разговор: – Ты где?

– На опознание приехала.

– Менты уже добрались до тебя? Оперативно! Мне приехать? Вы в городском управлении?

– Не надо, папа, я в порядке, да.

– Ну, держись, девочка! Потом мне позвони.

– Хорошо, папа, пока, – я положила фон в сумочку.

Майор Костырин открыл дверь в кабинет и пригласил меня садиться. Я села на стул у его стола и тупо смотрела на письменный прибор, пока майор отпирал дверку сейфа и доставал оттуда папку.

– Хотите кофе? – спросил он, садясь в кресло.

– Спасибо, не надо.

– Воды?

– Нет, – разговаривать не хотелось все еще.

– Ольга, скажите, в каких отношениях с Вашим мужем был Борис Павлович?

– В очень добрых... Вы что, думаете, он мог убить Семена?

– Я усмехнулась. – Скорее, Семен Арсеньевич мог бы из-за денег

ликвидировать папу, ну, чисто теоретически, конечно, муж и мухи не обидит... Да и папа очень добрый.

– Поймите правильно, Ольга, это моя работа, найти убийцу, заказчика. А это тот, кому очень выгодна смерть Семена Арсеньевича. Проверять будем все версии...

– Тогда запишите, что я с утра никуда из дома не выходила, да! – перебила я майора довольно резко.

– Ну, Ольга, не злитесь, я же говорю – это моя работа!

– Хорошо.

– А сами-то Вы что-нибудь думаете об этом?

– Нет. Еще не думала, – я посмотрела Костырину прямо в его карие глаза. – Еще часа не прошло, как это узнала. Мне пока не до того... Пойдемте на опознание, пока я в силах.

– Да, пойдемте.

Майор взял бумаги, встал из-за стола, подошел ко мне и предложил руку. Я протянула свою, встала со стула. Мы вышли из кабинета, и пошли по коридорам куда-то вниз, в подвал. Майор изредка придерживал меня за локоть.

– Александр, мне страшно, – тихо произнесла я.

– Не бойтесь, это быстро. Мне кажется, Вы сильная женщина.

И тут у меня из глаз потекли слезы! Мне стало очень жалко себя саму, сильную женщину, которая проревела ночами глаза рядом с таким мужем! Семен никогда не обижал меня грубостью, инстинктивно догадываясь, что грубости я не потерплю. Но вел себя, порой, так, что лучше бы ударил. Всё его бабы!

– Ну, не плачьте, Ольга! – Костырин увидел слезы и вновь взял меня за локоть. – Пять минут, и лейтенант Вас отвезет домой. Сейчас налью Вам воды. А может, коньяк?

– Нет-нет, только не алкоголь! У меня еще сильнее голова разболится.

Мы дошли до двери с короткой вывеской «морг». Морг, смерть, жизнь, труп...

Майор открыл дверь и, секунду замешкавшись, пропустил меня вперед.

– Черт, не знаю, как по этикету пропускают дам в такое заведение.

– Это не важно, – всхлипнула я. Слезы продолжали катиться из глаз.

Когда доктор приподнял простыню с головы мертвого Семёна, слезы сами высохли. Я смотрела на очень бледное усатое лицо своего мужа и страх ушел. Это был не тот Семён, которого я знала почти двадцать лет. Это был просто труп Семёна, просто мертвое тело. ПолуСемён. Оболочка. Чего-то очень важного не хватало. Я успокоилась окончательно. Майор формально спросил:

– Это Ваш муж? Семён Арсеньевич?

– Да.

– Подпишите здесь, – сказал тихо майор и подал мне папку. Доктор накрыл простыней лицо. Я расписалась в бумагах. Мы с майором вышли и молчали до входа в его кабинет.

– Сколько работаю, не могу привыкнуть к смерти, – произнес Костырин.

Я промолчала.

Для меня смерть представляла собой неизъяснимый ужас, с каким сталкивается каждый человек, кто чаще, кто реже. Когда умерла мама, я стояла у гроба на похоронах и смотрела на нее с таким чувством, будто это какая-то ошибка, игра в театре, что она сейчас откроет глаза и скажет: прости, дочка, я глупо пошутила. Мне казалось несправедливым, что мама умерла, что оставила меня без своей ежедневной заботы, ласки, и чувствовала себя очень обделенной. После смерти мамы, сейчас я думаю, что это был мой самый близкий и родной человек, после сына.

Майор позвонил лейтенанту, чтобы тот отвез меня домой. Положив трубку, сказал:

– Спасибо, Ольга. Мы с Вами еще увидимся.

– Хорошо. Звоните, приеду, если понадобится.

– Простите, а Вам самой важно, чтобы мы нашли убийцу?

Я задумалась, услышав вопрос Костырина. Что изменится, если убийцу найдут? Ничего! Я не стану мстить, не стану бросаться на него в зале суда, я даже на суд не пойду! И что случится, если не найдут? Тоже ничего не случится.

– Нет, Александр, мне не важно, – твердо ответила я и встала. – Где Ваш лейтенант? Мне тяжело здесь находиться.

– Сейчас подойдет, минутку.

В кабинет вошел лейтенант.

– Товарищ майор! Готов.